

Вопросы философии и психологии: Книга 77.

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 101
ББК 87
В74

В74 Вопросы философии и психологии: Книга 77. / – М.: Книга по Требованию,
2012. – 292 с.

ISBN 978-5-458-04725-8

Вопросы философии и психологии. Состоит из 137 книг.

ISBN 978-5-458-04725-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2012

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2012

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Обоснованіе мистическаго эмпиризма¹⁾.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Знаніе какъ сужденіе.

I. Дифференціація объектовъ знанія. Объективность процесса знанія.

Изслѣдуя свойства познавательнаго процесса, мы нашли, что объектъ знанія имманентенъ процессу знанія: онъ есть сама жизнь, сама дѣйствительность, присутствующая въ актѣ знанія, переживаемая въ немъ. Но этого мало: сама по себѣ жизнь еще не есть знаніе, она становится знаніемъ благодаря нѣкоторому дополнительному процессу, именно процессу сравниванія. Слѣдовательно, *знаніе есть переживаніе, сравненное съ другими переживаніями*²⁾. Пока жизнь не подвергается сравненію, она течетъ для меня, не производящаго сравненія, какъ что-то темное, безформенное, безсознательное (т.-е. неопознанное). Если я гуляю въ жаркій лѣтній полдень по берегу рѣки, окутанному пышной растительностью, и ни о чемъ не думаю, ничего не желаю, какъ бы утрачиваю свое я, сливаясь въ одно съ природою, то для меня ничто не существуетъ въ отдѣльности, все сливается въ одинъ неясный могучій потокъ жизни. Но вотъ что-то всплеснуло надъ водою, привлекло къ себѣ

¹⁾ «Вопр. Фил. и Псих.» № 75.

²⁾ Гл. III. г. Отношеніе объекта знанія къ знанію. «Вопр. фил.» кн. 73, стр. 217—228.

мое вниманіе и начался интеллектуальный процессъ различенія. Зеркальная гладь воды, зеленые берега рѣки, прибрежные тростники все стало обособляться другъ отъ друга и нѣтъ конца этому процессу до тѣхъ поръ, пока у меня есть охота всматриваться въ дѣйствительность и углубляться въ нее. Только что береговья заросли сливались для меня въ одну сплошную массу, а теперь, смотришь, темная зелень тростника уже обособилась отъ болѣе свѣтлой зелени аира, и даже среди сплошной массы тростниковъ стебли, листья и темно-бурая метелка ихъ обособляются другъ отъ друга по цвѣту, положенію, формѣ. Подъ влияніемъ различенія все дифференцируется: безформенное становится оформленнымъ, безобразное пріобрѣтаетъ образъ.

Слѣдовательно, *знаніе есть процессъ дифференцированія дѣйствительности путемъ сравненія*. Благодаря этому процессу жизнь, не утрачивая своей реальности, превращается въ представляемую жизнь, въ представленіе (или понятіе). Однако въ человѣческомъ знаніи она никогда не укладывается сполна въ форму представленія: въ ней всегда сохраняется еще недифференцированный остатокъ. Такъ оно и должно быть. Всякій актъ сравненія дифференцируетъ только одну какую-нибудь ничтожно малую сторону объекта, напр. цвѣтъ, вѣсъ, пространственную форму и т. п. и даже каждая изъ этихъ дифференцированныхъ сторонъ, напр. цвѣтъ, заключаетъ въ себѣ еще нѣчто недифференцированное, поскольку оттѣнки и свойства цвѣта выясняются все подробнѣе и подробнѣе только путемъ безконечнаго множества сравненій съ безконечнымъ множествомъ другихъ цвѣтовъ и явленій. Въ этомъ смыслѣ всякій объектъ, т. е. всякій уголокъ міровой жизни оказывается поистинѣ безконечнымъ ¹⁾, и дифференцировать эту безконечность сполна

¹⁾ Въ соч. Риккерта «Границы естественно-научнаго образованія понятій» (перев. А. Водена) очень хорошо обрисовано это свойство объектовъ познанія подъ именемъ «экстенсивной и интенсивной безконечности» ихъ. См. стр. 33. сс.

можно было бы не иначе, какъ подвергнувъ объектъ сравненію со всѣми остальными объектами всего міра. Человѣческой умъ безконечно далекъ отъ этого идеала знанія, и потому для человѣка всякій объектъ есть что-то покрытое лишь снаружи ничтожною коркою, ничтожнымъ налетомъ дифференцированности, а подъ этою коркою попрежнему остается какое-то еще безобразное, не перешедшее въ форму представленія, но все же опредѣлившееся, какъ наличное могучее и богатое содержаніемъ бытіе.

Путемъ ряда сравненій знаніе все болѣе и болѣе переводить безформенные объекты въ образы объектовъ, въ дифференцированную форму представленія (или понятія). Если въ результатѣ этого процесса въ самомъ дѣлѣ получается образъ познаваемого объекта (подъ образомъ мы разумѣемъ не копию объекта, а самый объектъ въ дифференцированномъ видѣ), а не какого либо иного явленія, то цѣль достигнута, мы обладаемъ истиною. Иными словами, это значить, что истина получается лишь въ томъ случаѣ, если дифференцированный образъ складывается только изъ элементовъ самого объекта, если въ этотъ образъ ничто не привносится извнѣ; но въ процессѣ знанія дѣйствуетъ, именно производить сравненіе только познающій субъектъ, слѣдовательно, только онъ можетъ внести въ образъ объекта что-либо извнѣ. Въ этомъ смыслѣ можно сказать, что истина есть *объективный* образъ предмета, а ложь есть *субъективный* образъ предмета. Отсюда ясно, что отличить истину отъ лжи можно лишь въ томъ случаѣ, если есть признаки, по которымъ познающій субъектъ можетъ отличить, какіе элементы образа исходятъ отъ самого объекта, и какіе элементы привнесены имъ, субъектомъ. На основаніи тѣхъ же соображеній, которыя руководили нами при изслѣдованіи вопроса о критеріи субъективности и транссубъективности¹⁾, мы а priori утверждаемъ, что различіе между субъективнымъ и объективнымъ не можетъ быть количественнымъ или

---

¹⁾ Гл. III. Вопр. фил. 74.

складывающимся изъ отношеній, оно должно заключаться въ качественной окраскѣ этихъ переживаній. Иными словами, во всякомъ актѣ знанія должны быть стороны, окрашенныя чувствованіемъ субъективности, и стороны, обладающія характеромъ объективности. Достаточно одного примѣра, чтобы показать, что это именно такъ и есть. Положимъ, мы выдумываемъ какую-нибудь небылицу, напр. рассказываемъ, что вокругъ памятника Петра Великаго на Сенатской площади въ Петербургѣ растутъ четыре огромныя развѣсистыя дуба. Въ этомъ высказываніи несомнѣнно образъ памятника стоитъ въ нашемъ сознаніи, какъ что-то такое, чего мы никоимъ образомъ не относимъ по содержанию за счетъ своихъ дѣятельствъ; быть можетъ, также и развѣсистыя дубы, видѣнные нами гдѣ-либо прежде, составляютъ такое же *объективное* содержаніе высказыванія; но ужъ навѣрное *сочетаніе* памятника съ дубами чувствуется, какъ производимый нами синтезъ, какъ что-то такое, что вовсе не кроется въ содержаніи самого объекта. Наоборотъ, когда мы говоримъ, что всадникъ Петръ стоитъ на гранитной скалѣ, это *сочетаніе* представляется, какъ что то исходящее изъ самого объекта. Эти стороны переживаній превосходно описаны Липсомъ въ его „Основахъ логики“. „Въ однихъ случаяхъ я сознаю,—говоритъ Липпсъ,—что бытіе объектовъ сознанія, ихъ возникновеніе, сочетаніе и раздѣленіе, ихъ сохраненіе и измѣненіе кажется мнѣ непосредственно осуществленіемъ моей воли, я чувствую себя въ своемъ процессѣ представленія активнымъ, свободнымъ, дѣятельнымъ. Въ этомъ переживаемомъ мною явленіи заключается непосредственное сознаніе принадлежности объектовъ къ моему я, связанности ихъ со мною, зависимости отъ меня, короче—непосредственное „сознаніе субъективности“. Въ другихъ случаяхъ я испытываю, что объекты сознанія противодѣйствуютъ желаемому процессу представленія, я чувствую себя стѣсненнымъ ими въ своемъ процессѣ представленія, связаннымъ, принуждаемымъ, несвободнымъ или пассивнымъ. Въ этомъ переживаемомъ мною явленіи заклю-

чается непосредственное сознание независимости отъ меня, самостоятельности въ отношеніи меня, короче—непосредственное „сознание объективности“¹⁾.

Надобно тотчасъ же замѣтить, что объективность не слѣдуетъ смѣшивать съ транссубъективностью. Моя собственная дѣятельность, если она становится объектомъ моего знанія, напр. если я вспоминаю свою выдумку о памятникѣ Петра, стоитъ передо мною какъ что-то такое, чего вычеркнуть нельзя, что принуждаетъ меня признать себя и такимъ образомъ объективно связываетъ меня въ актѣ сужденія²⁾.

Живое и непосредственное руководство актами мышленія на пути къ истинѣ принадлежитъ описанному сознанию объективности и субъективности, а вовсе не закону тождества, противорѣчія или исключеннаго третьяго, какъ это будетъ показано въ дальнѣйшихъ главахъ. Этотъ критерій истины дѣйствительно можно назвать живымъ и непосредственнымъ, но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, будто онъ исключаетъ всякую возможность заблужденія. Изъ приведеннаго примѣра видно, что одно и то же явленіе въ одномъ отношеніи можетъ переживаться съ сознаниемъ субъективности, а въ другомъ отношеніи съ сознаниемъ объективности. Поэтому чтобы придти къ истинѣ, нужно подвергать сложные комплексы дѣйствительности глубокому дифференцированію: только утонченныя различенія показываютъ окончательно, какіе элементы дѣйствительности и въ какой связи имѣютъ объективное значеніе. Эта работа такъ трудна, что первоначально истина всегда высказывается въ грубомъ смѣшеніи съ ложью, и весь процессъ развитія науки есть процессъ очистки отъ лжи путемъ дифференцированія объектовъ, руководимаго сознаниемъ объективности.

II. Сужденіе.

Познавательная дѣятельность приводитъ всегда къ истинѣ или къ лжи. Въ какой же формѣ выражается истина или

¹⁾ Липпсъ «Основы логики», перев. Лосского, стр. 6.

²⁾ См. Липпсъ, тамъ же, стр. 11 с.

ложь? Въ формѣ сужденія, отвѣчаетъ на этотъ вопросъ логика. Но если такъ, то это значить, что представленія, понятія и даже умозаключенія, служа выразителями истины или лжи, должны быть сужденіями по существу, хотя бы и модифицированными. Отсюда для теоріи знанія возникаетъ задача развить такое ученіе о сужденіяхъ, которое, исходя изъ природы познавательнаго процесса, показало бы что единственная форма, въ которой можетъ выразиться знаніе, есть сужденіе, и разъяснило бы структуру сужденія, въ особенности характеръ связи между субъектомъ и предикатомъ. Эта теорія должна подвергнуть сужденія такому глубокому анализу, чтобы легко охватить всѣ формы суждений безъ исключенія. Мало того, какъ уже сказано, она должна показать, какъ вырастаютъ изъ сужденія тѣ модификаціи его, которыя обозначаются терминами представленіе, понятіе и умозаключеніе. Всѣми этими вопросами мы должны заняться теперь, исходя изъ установленныхъ нами основныхъ признаковъ знанія.

Знаніе есть дифференцированіе объекта путемъ сравненія. Этотъ процессъ неизбѣжно долженъ идти слѣдующимъ путемъ. До акта сравненія дѣйствительность стоитъ передъ нами, какъ что-то темное, хаотическое. Первые акты дифференцированія обособляютъ въ ней какую-нибудь сторону А, дѣйствительность по прежнему въ цѣломъ остается темною, неясною, но теперь она уже съ одной изъ своихъ сторонъ ясно и опредѣленно характеризуется, какъ А. Эта ступень знанія и до сихъ поръ сохраняется въ языкѣ въ формѣ такихъ выраженій, какъ свѣтаетъ, моросить, смеркается и т. п. Дальнѣйшіе акты дифференцированія принимаютъ слѣдующій видъ: нѣчто темное, но уже опредѣлившееся съ одной изъ сторонъ, какъ А, опредѣляется дальше, какъ В; нѣчто опредѣлившееся, какъ А, В, опредѣляется дальше, какъ С и т. д.; напр., я иду по лѣсной дорожкѣ и замѣчаю: что-то маленькое перебѣжало черезъ дорогу; что-то маленькое, перебѣжавшее черезъ дорогу, запищало и т. д. Каждый такой актъ дифференцированія заключаетъ въ

себѣ тѣ три элемента, которые считаются необходимыми для сужденія; субъектъ, предикатъ и отношеніе предиката къ субъекту. Въ самомъ дѣлѣ, во всякомъ актѣ дифференцированія путемъ сравненія долженъ быть исходный пунктъ для дифференцированія: темная дѣйствительность, еще со-всѣмъ неопознанная и потому невыраженная никакимъ словомъ, или же въ болѣе сложныхъ актахъ знанія, темная, но уже въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ дифференцированная дѣйствительность. Въ актѣ дифференціаціи изъ этой дѣйствительности обособляется нѣкоторая новая ея сторона, и сознается она именно, какъ сторона, какъ элементъ дѣйствительности, подвергнувшейся дифференцированію, такъ что между исходнымъ пунктомъ дифференціаціи и продуктомъ ея сохраняется живая, тѣсная связь, отношеніе болѣе глубокое, чѣмъ простая послѣдовательность во времени. Отсюда ясно, что процессъ знанія, *какъ процессъ дифференцированія путемъ сравненія*, неизбежно выражается *не иначе, какъ въ формѣ сужденія*, и этимъ *генезисомъ сужденія* вполне объясняется структура его, т. е. неизбежная наличность въ немъ трехъ элементовъ субъекта, предиката и отношенія между субъектомъ и предикатомъ. Изъ сказаннаго нетрудно даже извлечь точное опредѣленіе понятій субъекта и предиката, такъ что мы его и приводить не будемъ. Мало того, здѣсь есть всѣ данныя для опредѣленія сужденія, но мы его теперь еще не дадимъ: оно будетъ развито позже въ связи съ оцѣнкою другихъ существующихъ въ наукѣ опредѣленій сужденія. Только связь между субъектомъ и предикатомъ намѣчена здѣсь еще слишкомъ неопредѣленно; подробнымъ разсмотрѣніемъ ея мы займемся въ слѣдующей главѣ.

На первый взглядъ кажется, что субъектомъ развитого сужденія служитъ дифференцированное представленіе или понятіе съ ограниченнымъ, точно опредѣленнымъ содержаниемъ. На дѣлѣ это не вѣрно. Субъектомъ сужденія служитъ всегда темная, неисчерпаемая, неизвѣстная намъ дѣйствительность, но въ высоко развитомъ сужденіи она обозна-

чается *при помощи какого-либо представлѣнія*, въ которомъ отмѣчены стороны этой дѣйствительности, уже дифференцировавшіяся въ предыдущихъ актахъ знанія, и потому легко можетъ показаться, будто именно это представлѣніе, какъ дифференцированное переживаніе, есть субъектъ сужденія. Объ этомъ несовпаденіи между субъектомъ сужденія и представлѣніемъ субъекта подробно говоритъ М. И. Каринскій въ своемъ сочиненіи „Классификація выводовъ“. — „Истиннымъ субъектомъ сужденія, — говоритъ Каринскій, — всегда служитъ неопредѣленно мыслимый предметъ, о которомъ всегда предполагается, что его содержаніе никакъ не исчерпывается сполна тѣмъ свойствомъ, какимъ онъ характеризуется въ подлежащемъ. Этотъ неопредѣленно мыслимый предметъ ставится въ сужденіи нашу мыслью въ качествѣ нѣкотораго X, чего-то такого, что въ предѣлахъ этого сужденія остается неисчерпаннымъ со многихъ сторонъ и что можетъ быть исчерпано сполна въ своемъ содержаніи лишь въ цѣломъ рядѣ сужденій. Определенное представлѣніе, которое непосредственно соединяется съ терминомъ подлежащаго, имѣетъ своею цѣлью только указать на этотъ предметъ, только сдѣлать, такъ сказать, намекъ на то, на что направлена мысль, чему намѣреваются приписать извѣстное опредѣленіе. Подлинный смыслъ сужденій всегда таковъ: предметъ, который ближайшимъ образомъ характеризуется для насъ такою-то совокупностью признаковъ (то-есть, тѣми представлѣніями, которыя непосредственно соединяются съ терминомъ подлежащаго), имѣетъ кромѣ того еще такіе-то признаки (соединяемые непосредственно съ терминомъ сказуемаго). Определенное представлѣніе, соединяемое непосредственно съ терминомъ подлежащаго, составляетъ въ сущности только часть содержанія предмета“. „Этимъ отчасти объясняется, почему мы отлично понимаемъ другъ друга при взаимной передачѣ мнѣній о предметахъ, тогда какъ термины, обозначающіе предметы, часто вызываютъ далеко несходныя представлѣнія у различныхъ людей. Важно не то, что одинъ съ терминомъ „человѣкъ“ непосред-

ственно соединяетъ представленіе о разумно-нравственномъ существѣ, другой—неизвѣстный видимый образъ, что даже этотъ образъ очерчивается далеко не тождественно въ представленіи различныхъ людей, напримѣръ, въ мысли зрячаго и слѣпого; важно не то, что мѣтка оказывается не одинаковой; взаимное пониманіе вполне обезпечено, если разныя мѣтки указываютъ на одни и тѣ же предметы, на одну и ту же неопредѣленную полноту содержанія, изъ которой онѣ взяты для ея же характеристики, такъ какъ въ сужденіи ей именно приписывается опредѣленіе, а не тому опредѣленному понятію, которое соединяется съ терминомъ подлежащаго“¹⁾.

Къ сожалѣнію однако, М. И. Каринскій, по нашему мнѣнію, не использовалъ во всей полнотѣ этого ученія о субъектѣ сужденія. У насъ это ученіе непосредственно вытекаетъ изъ того, что сама дѣйствительность, сама жизнь служить субъектомъ сужденія, а также изъ того, что знаніе возникаетъ на почвѣ этой жизни путемъ медленнаго процесса дифференцирующаго сравниванія. Поэтому развитое выше ученіе о субъектѣ сужденія должно лежать въ основѣ рѣшенія многихъ проблемъ.

Нетрудно представить себѣ, какимъ образомъ изъ послѣдовательныхъ актовъ дифференцированія, выражающихся въ формѣ сужденія, возникаютъ представленія и понятія. Положимъ, благодаря первому акту дифференцированія мы узнали, что (нѣчто) есть „S“, во второмъ актѣ мы уже узнаемъ, что „S есть P“, въ третьемъ—„SP есть M“ и т. д. Иными словами, дифференцированныя продукты предыдущихъ сужденій мыслятся, какъ одинъ компактный комплексъ элементовъ S, SP, SPM на фонѣ недифференцированнаго остатка.

Комплексы дифференцированныхъ элементовъ, образовавшіеся изъ сужденій, въ свою очередь становятся элементами новыхъ болѣе сложныхъ сужденій. Всякій такой ком-

---

1) Каринскій. Классификація выводовъ, стр. 88 с.

плексъ, какъ происшедшій изъ своего рода сгущенія суждений, можетъ быть опять разложенъ на сужденія. Но, конечно, не всегда образованію такого комплекса предшествуютъ ясно выраженные акты сужденія: иногда дифференцированные элементы сразу образуютъ комплексъ представленія, не пройдя черезъ отчетливо выраженную форму сужденія. Поэтому о представленіяхъ (и понятіяхъ) можно сказать, что они суть *переразвитые или недоразвитые, а потому сокращенные комплексы суждений*. Напр., въ сужденіи „этотъ высокій худощавый человѣкъ очень похожъ на моего брата“ представленіе „этотъ высокій худощавый человѣкъ“ есть комплексъ недоразвитыхъ или переразвитыхъ сужденій „это — человѣкъ“, „этотъ человѣкъ — высокъ“ и т. д. Единственное возраженіе противъ этихъ соображеній можетъ быть такое: въ сужденіи есть всегда истина или ложь, между тѣмъ какъ въ представленіи, напр. въ построеніяхъ фантазіи нѣтъ ни истины, ни лжи. Доля правды, кроющаяся въ этомъ возраженіи, будетъ указана позже.

Всѣ ли сужденія охватываются ученіемъ о сужденіи, какъ объ актѣ дифференцірованія дѣйствительности путемъ сравненія? Прежде всего является вопросъ, какъ отнестись къ сужденіямъ, повидимому не заключающимъ въ себѣ всѣхъ трехъ необходимыхъ элементовъ акта дифференцірованія: субъекта, предиката или отношенія между ними. Таковы вопросительныя, безсубъектныя и экзистенціальныя сужденія. Вопросы не требуютъ особаго изслѣдованія: уже давно принято считать ихъ не сужденіями, а только зачатками сужденій. Въ нихъ дается субъектъ будущаго сужденія, т.-е. исходный пунктъ для дальнѣйшей дифференціаціи, и ставится задача произвести эту дифференціацію, т.-е. найти предикатъ. Болѣе интересны для насъ безсубъектныя сужденія, въ родѣ „свѣтаетъ“, „гремитъ“ и т. п. Они не только не составляютъ затрудненія для нашей теории, но даже требуются ею: первые акты дифференцірованія должны

---

¹⁾ См. Липицъ, Основы логики, стр. 280.